

От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX — начала XX в.

Александр Полунов

**From Urmia to Urga: relations with the peoples of the East
in the Russian Public Consciousness of the late 19th — early 20th centuries**

Aleksandr Polunov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956872206019X, EDN: MNWNOK

Весной 1917 г., в ходе Первой мировой войны, есаул барон Р.Ф. Унгерн, известный впоследствии деятель Белого движения, был переведён с Западного фронта на Кавказский и включён в состав российского экспедиционного корпуса в Персии, штаб которого располагался на севере страны в г. Урмия. На новом месте службы барон вошёл в число инструкторов при ассирийских дружинах — добровольческих отрядах, состоявших из местных христиан и сражавшихся вместе с русскими против турок и курдов. Несмотря на самоотверженную борьбу ассирийцев, нараставшее разложение русской армии после падения монархии в России делало невозможным продолжение военных действий в Персии. Летом 1917 г. Унгерн перебрался на Дальний Восток, где возглавил Азиатскую дивизию — соединение, включавшее в свой состав представителей восточных народов (монголов, бурят, татар, башкир, тибетцев и др.).

Отступив в конце 1920 г. под напором Красной армии в Монголию, барон в феврале следующего года освободил от войск Китайской республики столицу Северной Монголии — Ургу и попытался сделать её базой восстановления Срединной империи — наследницы державы Чингисхана под властью маньчжурской династии Цин, а затем и реставрации монархических порядков по всей Евразии. Стремясь осуществить этот план, Унгерн предпринял поход на территорию Советской России в мае 1921 г., закончившийся для него поражением и гибелью. Все эти перипетии выглядят на первый взгляд, как случайная цепь событий, сложившаяся вследствие личной эксцентричности барона и того хаоса, который воцарился на территории бывшей Российской империи и у её границ после Февральской революции. Между тем в них отразились важные процессы, связывавшие Россию с азиатскими народами, проживавшими в конце XIX — начале XX в. у её границ и (или) входившими в сферу её влияния. История этих взаимоотношений и их восприятия русским обществом, начинания отдельных деятелей (в том числе и того же барона Унгерна¹) освещены

© 2022 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни: барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010; Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011; Sunderland W. The Baron's Cloak. A History of the Russian Empire in War and Revolution. Ithaca, 2014.

в целом ряде работ². В то же время многие аспекты данной темы изучены недостаточно. Так, сравнительно мало известно о русско-ассирийских связях и православной миссии в Урмии в конце XIX — начале XX в.³ Необходимо проанализировать эти сюжеты, включив их в контекст истории русской общественной мысли конца XIX — начала XX в.

Говоря об идейной эволюции русского общества, нужно отметить, что заметное влияние на неё с середины XIX в. оказывало усилившееся взаимодействие между различными регионами мира, в частности, знакомство с проживавшими в отдалённых землях общинами. Представители этих сообществ — как правило, малочисленных, изолированных, угнетённых и (или) ощущавших угрозу со стороны более сильных соседей, — всё чаще рассматривали Россию как свою спасительницу и покровительницу. При этом восприятие ими северного царства, как правило, было в высшей степени мифологизированным. «Империи царей» приписывалось необычайное могущество, ведущая роль среди мировых держав и способность по велению своего правителя решать любые, самые сложные международные проблемы. Типичным выражением подобного отношения было, в частности, обращение к русским властям ассирийского священника Михаила, который в 1859 г. заявлял, что Россия «имеет возможность восстановить сиявшую некогда в Персии восточно-православную церковь, по несчастным обстоятельствам упавшую и угрожаемую скорым уничтожением, если какая-либо рука не прострётся, чтобы спасти её»⁴.

Ассирийцы, именовавшиеся также сиро-халдеями и айсорами, считали себя потомками населения древнего Ассирийского царства, проживали на территории восточной Турции и северо-западной Персии и придерживались несторианского учения, оформившегося в самостоятельную ветвь христианства в VI в. Будучи сосредоточены у границ Российской империи, они ещё с конца XVIII в. стремились наладить взаимодействие с её властями, а отдельные их общины переселялись на территорию русского Закавказья. В середине XIX в. заговорили и о духовном единении с Россией. Тот же священник Михаил, прибывший сначала в Константинополь, а затем в Иерусалим, говорил о желании нескольких тысяч ассирийцев, проживавших в районе Урмии, перейти в православие. Для выяснения возможности такого воссоединения Святейший Синод в первой половине 1860-х гг. командировал в Закавказье архимандрита Софонию (Сокольского), встречавшегося с переселившимися туда ассирийцами и собравшего значительный объём сведений об этой общине и особенностях её вероучения. Персидские и турецкие несториане писали ему о своей готовности перейти в православие, если Россия окажет им покровительство. Однако в Петербурге, опасаясь конфликта с Турцией и Персией, оставили это дело без последствий.

² См., в частности: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009; *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011; *Суворов В.В.* «Восточничество»: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

³ *Матвеев М.Ю.* Ассирийцы // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 186; *Матвеев М.Ю.* К истории переселения ассирийцев в Россию // Народы Азии и Африки. 1980. № 5; *Стефан (Садо), иером.* Русская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. 1996. № 13.

⁴ *Титов Ф.И., свящ.* Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме. Очерк из сношений России с православным Востоком. Киев, 1902. С. 310. В своих ходатайствах к русским властям, рассчитывая на их сочувствие, ассирийцы-несториане часто именовали себя православными.

Тем не менее тяготение ассирийцев к России не только не прекратилось, но даже оживилось в конце XIX в., когда в идеологии и политике самодержавия заметно усилились мессианские и религиозные мотивы. В середине 1890-х гг. после очередного обращения несториан Синод послал в Урмию клириков Грузинского экзархата для подготовки их присоединения к православии. В 1898 г. в Петербурге состоялось приобщение к Церкви одного из несторианских иерархов — епископа Мар-Ионана, а в Урмию направилась русская миссия, обратившая в православие значительное количество местных несториан⁵. Накануне Первой мировой войны интерес к православии начал проявлять и их патриарх-католикос Мар-Шимун Биньямин, проживавший в Османской империи. В августе 1914 г. он как глава ассирийского народа подписал договор с державами Антанты о совместных действиях против турок. Весной 1915 г. ассирийцы подняли восстание, но турецкие войска и курды вытеснили их на территорию Персии⁶. Февральская революция и разложение русских войск, вскоре покинувших Персию, стали тяжёлым ударом для ассирийцев. Им пришлось отступить на восток, под защиту англичан, причём в ходе боёв и тяжёлых переходов значительная часть общины погибла. Многие ассирийцы были вынуждены переселиться в Россию.

В конце XIX — начале XX в. в ходе общения с ассирийцами, а также с православными арабами Сирии и Палестины, абиссинцами (эфиопами) в правительственных сферах России и в консервативных кругах русского общества сложился определённый стереотип восприятия этих народов⁷. Прежде всего, считалось, что, раз они сами просят о помощи, Россия не вправе им отказать, поскольку моральный долг обязывает её защищать слабых и угнетённых. «По мере того, — писал профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Лопухин, внёсший значительный вклад в пропаганду необходимости религиозного сближения с ассирийцами, — как Россия всё более приобретала значение на востоке, всё более выступала со своей великой миссией освобождения христианских народов из-под векового ига ислама, и среди бедного, заброшенного в глубину исламизма сирохалдейского народа всё более стала разгораться надежда, что авось Белый царь вспомнит и о нём... Итак, что же нам делать? Неужели так и оставить этот бедствующий, простирающий к нам руки народ в его беспомощном состоянии? Да не будет этого!»⁸. Докладывая о прибытии в Урмию в 1897 г. посланников Синода, русский консул в Тавризе сообщал: «Вся эта масса народа встречала православных священнослужителей

⁵ Стефан (Садо), иером. Русская православная миссия... С. 73–112.

⁶ Матвеев М.Ю. Ассирийцы. С. 186; Матвеев М.Ю. К истории переселения ассирийцев в Россию. С. 168.

⁷ О взаимоотношениях России с православными арабами Сирии и Палестины см.: Махамид О. Россия–Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2002; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; Vovchenko D. Creating Arab Nationalism? Russia and Greece in Ottoman Syria and Palestine (1840–1909) // Middle Eastern Studies. Vol. 49. 2013. № 6. Анализ воззрений, базировавшихся на идее духовного единства русских и абиссинцев (эфиопов), см.: Полунов А.Ю. «Наши чёрные единорыцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2015. № 2.

⁸ Лопухин А.П. Новое поприще для миссии Св[ятой] православной Церкви. Несториане или сиро-халдейцы, их происхождение, история, теперешнее состояние и стремление к православию. Чтение на торжественном собрании С.-Петербургского братства Пресвятой Богородицы 2 февраля 1898 г. СПб., 1898. С. 22–23.

с неопишымым восторгом и энтузиазмом. Чувства беспредельной преданности к священной особе его императорского величества государя императора, равно как и симпатии к России, — беспредельны»⁹.

Само по себе тяготение ассирийцев к России нередко считалось доказательством их внутреннего духовного родства с русским народом, догматические расхождения несториан с православием казались случайными и незначительными. Глава Русской духовной миссии в Урмии архимандрит Сергей (Лавров) в отчёте за 1910 г. утверждал: «Всё более и более сирийцы убеждаются в том, что православная вера есть глубокая и истинная и что именно она была верой их праотцев»¹⁰. И, разумеется, особую симпатию вызывало бедственное положение христиан северной Персии под властью мусульман. Мотив жертвенности, страданий отчётливо звучал во всех описаниях жизни ассирийцев, выходявших из-под пера русских авторов. Времена, когда приверженцы несторианства, располагавшие большим количеством епархий и отличавшиеся высоким уровнем культуры и образованности, вели широкую миссионерскую деятельность, проповедуя вплоть до Индии, Монголии и Китая, безвозвратно прошли. После начавшихся в XIV в. мусульманских гонений, по словам архимандрита Софонии, ассирийцы в течение многих веков «томились и страдали как бы под пытками, бегая по своей родине из места в место и не зная, где остановиться, чтобы с наименьшим страхом и опасностью владеть свою бедственную долю... Бедное племя, замкнувшись в себе, или, правильнее сказать, в среде врагов своих, обратилось как бы вспять в умственно-научном отношении и стало нисходить всё ниже и ниже, пока, наконец, не достигло той степени огрубления и невежества, на которой стоит ныне»¹¹.

Давление со стороны турецких и персидских властей, набеги воинственных курдов несли угрозу физическому существованию ассирийцев, но едва ли не страшнее была угроза духовная — натиск со стороны западных миссий (американских пресвитериан, французских католиков и англикан), работавших среди несториан с 1830-х гг. Особой активностью отличались англиканские миссионеры, настроенные дружественно по отношению к русским клирикам, но всё же не вызывавшие у них доверия¹². «Жалеть о том, что индифферентный к религии народ утратит все нравственные устои, англиканам не приходилось, — писал в 1902 г. архимандрит Кирилл (Смирнов), возглавлявший тогда духовную миссию, своему покровителю митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому). — Освободившись от таких устоев, народ окажется более способным к усвоению принципа выгод и пользы, и посредством денег его можно будет всегда держать в послушании, с ним можно будет сделать всё, что угодно»¹³. России следовало уберечь ассирийцев от подобной печальной участи.

⁹ РГИА, ф. 797, оп. 67, отд. 2, ст. 3, д. 54, л. 15–15 об.

¹⁰ Там же, ф. 796, оп. 193, отд. 6, ст. 1, д. 1407, л. 47.

¹¹ *Софония (Сокольский), еп.* Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии. СПб., 1876. С. 200, 240.

¹² Об англиканской миссии см.: *Coakley J.F.* The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford, 1992; *Гепд Л.А.* Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.

¹³ *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви: жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX в. М., 2004. С. 422.

Но для характеристики русской общественной мысли второй половины XIX — начала XX в., возможно, особенно важно отметить то, что в отношении к ассирийцам проявлялось не только сочувствие к их бедственному положению. Одновременно признавалось, что испытания, которые они претерпевали на протяжении веков, оказали противоречивое и далеко не всегда негативное воздействие на их жизнь. «Нельзя сказать, чтобы это очистительное горнило было без пользы для страдальцев, — полагал архимандрит Софония. — Оно укрепило и как бы закалило в них много добрых свойств и обычаев, отзвучившихся первовековой, патриархальной простотой, смирением, преданностью в волю Божию»¹⁴. Лопухин отмечал, что несториане, несмотря на тяжёлое положение, «не ропщут на свою судьбу и с чисто детской верой и покорностью всё предоставляют воле Небесного Отца и Царя»¹⁵. Материальное неблагополучие, по мнению русских наблюдателей, компенсировалось чистотой и напряжённостью духовной жизни «сиро-халдейцев». Лопухин писал, что они посещают церковь каждый день и могут устыдить этим живущих гораздо более благополучно западных христиан, а церковная служба несториан «отличается значительной красотой, которая невольно поражает всякого стороннего наблюдателя». При этом они настолько сроднились с Библией, что «её именно образами говорят и мыслят все более или менее грамотные люди»¹⁶.

Удалённые от центров современной цивилизации и ограждённые благодаря этому от её разлагающего влияния, ассирийцы сохраняли в быту и в общественном устройстве патриархальную простоту, естественность, вызывая зависть у части русских консерваторов. Само «избрание» патриарха-католикоса, по словам Софонии, было «чуждо всех тревог, беспокойств, интриг и домогательств, так неизбежных при выборах католикосов, например, эчмиадзинских (в Армении)» и вместе с тем «не окружено ни пустым мишурным блеском, ни пышной кичливостью, составляющей душу конклавов квиринальских (в Риме)»¹⁷. Взаимоотношения пастырей и паствы отличались искренностью и взаимным доверием, чего так не хватало в России, а при сборах на церковные нужды «почти никогда не бывает, в их среде, ни прекословий со стороны прихожан, ни настойчивости вымогательства со стороны клирошан»¹⁸. Разумеется, в первые десятилетия XX в. власть денег, проникновение западной культуры и политические потрясения уже заметно ослабили патриархальность ассирийского быта. Однако русские деятели в Урмии уверяли себя и других в том, что эти тенденции не коснулись простых людей. «Народ... в массе своей, — докладывал глава русской миссии о влиянии на ассирийцев иранской революции 1905—1911 гг., — по-прежнему был по меньшей мере равнодушен к политическим партиям и, как кажется, в глубине души всегда расположен к “белому царю”»¹⁹.

¹⁴ Софония (Сокольский), еп. Указ. соч. С. 200—201.

¹⁵ Л.А. [Лопухин А.П.] Католикос востока и его народ. Очерки из жизни сирохалдеев-несториан в Персии и Турции // Христианское чтение. 1898. № 8. С. 199.

¹⁶ Л.А. [Лопухин А.П.] Католикос востока и его народ... // Христианское чтение. 1898. № 10. С. 516, 530. № 11. С. 683.

¹⁷ Софония (Сокольский), еп. Указ. соч. С. 205. «Избрание» патриарха-католикоса у несториан фактически означало наследственную передачу власти в рамках одного рода от дяди племяннику (сам католикос давал при этом обет безбрачия).

¹⁸ Там же. С. 253.

¹⁹ РГИА, ф. 796, оп. 193, отд. 6, ст. 1, д. 1407, л. 45.

Взаимодействуя с христианами Урмии, русские церковные и общественные деятели не просто соприкасались с источниками патриархальной простоты — они ещё и совершали своеобразное путешествие во времени, вступая в контакт с сообществом, имевшим апостольское происхождение. По мнению Лопухина, в её религиозной жизни нельзя было «не подметить многих таких черт, нравов и обычаев, которые уводят вглубь седой старины христианской Церкви, к периоду первых вселенских соборов»²⁰. Конечно, присоединение столь древней общины существенно повысило бы духовный авторитет сравнительно «молодой» Русской Церкви. «Представляется особенно знаменательным, — говорилось в 1910 г. в справке Канцелярии обер-прокурора о стремлении очередной группы несториан перейти в православие, — что общения с православной Церковью ищут самые древние из еретиков, отделившиеся от вселенского православия ещё в пятом веке... Принятие их в православие, хотя и через такой громадный промежуток времени, как протекшие 15 веков, не внесёт ли в жизнь Церкви хотя отчасти сознания того единства веры и религиозного самосознания, коим был крепок союз древнего христианства»²¹.

В воображении невольно возникала грандиозная картина воссоздания, на этот раз под покровительством России, легендарного «царства пресвитера Иоанна» — огромной сети несторианских епархий, простиравшихся далеко на восток. «Мы видим, — писал Лопухин, — как даже на наших глазах какая-то непреодолимая сила всё шире раскрывает пред нашим отечеством необъятные глубины далёкого востока, как она всё ближе приходит в соприкосновение с тем огромным человечеством, которое доселе оставалось в стороне от христианства, представляя собой неразрешимую загадку для истории. Кто знает, не настало ли теперь время для разрешения этой мировой загадки и не предназначено ли именно прав[ославной] России разрешить её?»²².

Постепенно стереотип восприятия отдалённых народов, сложившийся в ходе знакомства с ассирийцами и другими общинами, искавшими покровительства Петербурга, стал переноситься на самые разные сообщества. С середины 1890-х гг. в их число всё чаще входили народы Центральной Азии и Дальнего Востока — индийцы, тибетцы, тюрки Синьцзяна, буряты, монголы, китайцы. Усиление интереса к ним было, безусловно, связано с активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке и с её экономическим проникновением в этот регион. Попытку вдохновить и идеологически обосновать продвижение в Азию, осмыслить принципы взаимодействия с её пёстрым населением предприняли тогда в своих сочинениях «восточники» — небольшая, но влиятельная группа политиков и публицистов, располагавших обширными связями в правительственных и придворных кругах.

Если информация об ассирийцах и других этноконфессиональных общинах в 1880–1890-х гг. распространялась во многом стихийно, по инициативе отдельных лиц и учреждений, то «восточники» стремились целенаправленно воздействовать на общественное сознание и развернули настоящую кампанию, пропагандируя свои взгляды. Главную роль в ней играл кн. Э.Э. Ухтомский —

²⁰ Лопухин А.П. [Рец. на:] A.J. McLean, W.H. Browne. The Catholicos of the East and His People (1893) // Христианское чтение. 1893. № 3–4. С. 400.

²¹ РГИА, ф. 797, оп. 79, отд. 2, ст. 3, д. 501, л. 20.

²² Лопухин А.П. Новое поприще... С. 26.

литератор, востоковед и личный друг Николая II²³. В 1890–1891 гг. князь сопровождал наследника престола вел. кн. Николая Александровича в путешествии по странам Азии — от Египта до Японии, которое затем описал в книге, изданной в 1893–1897 гг. значительным тиражом в России и за рубежом. В русском обществе она вызвала заметный резонанс. В 1896 г. по повелению царя кн. Ухтомский возглавил газету «Санкт-Петербургские ведомости», ставшую своеобразным рупором «восточничества»²⁴. С особой настойчивостью её читателям внушалась мысль о духовном родстве России и восточных народов, несмотря на всё их внешнее отличие от русских. Так, говоря об Индии, князь утверждал, что «наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны... до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны в материальном отношении, в совершенно равной мере заключают в себе залог обновлённого будущего и уверенной борьбы за свои исконные права». При этом он полагал, что «узы, связывающие нашу часть Европы с Ирано-Тураном (а через неё и с родственными им во многих чертах Индией, Небесной империей), до того, так сказать, предвечны и прочны, что мы сами пока (как народ и государство) недостаточно понимаем их значения и своих проистекающих от этого обязанностей по отношению к вопросам внутренней и внешней политики на полуневедомых окраинах»²⁵.

Следует отметить, что кн. Ухтомский и его единомышленники, рассуждая о духовной близости России и народов Востока, сталкивались с серьёзной проблемой, поскольку в реальности русских с ними не связывало ни религиозное (как с ассирийцами), ни тем более конфессиональное единство. Буддизм, даосизм и конфуцианство были в целом весьма далеки от православия. Обходя это затруднение, «восточники» пытались уловить некие смутные, таящиеся в глубинах духовной жизни черты объективного сходства этих культов с учением Церкви, указывали на их позитивную социальную роль. Так, кн. Ухтомский доказывал, что «буддизм явился выразителем народного настроения, вдохновлялся общепризнанными истинами, послужил дальнейшему развитию и совершенствованию местной культуры. Этим только и объясняется его необыкновенный успех, его удивительная бодрость... Всё это делало и делает из буддизма силу, с которой серьёзно надо считаться христианским нациям»²⁶. И в должности чиновника МВД в 1880-х — начале 1890-х гг., и на посту редактора газеты князь последовательно выступал в защиту веротерпимости и против жёсткой русификации инородцев (прежде всего, бурят), чем навлёк на себя обвинения в либерализме, предательстве национальных интересов России и даже вероотступничестве²⁷.

²³ Помимо кн. Ухтомского, к числу «восточников» относят предпринимателя и врача, специалиста по тибетской медицине П.А. Бадмаева, а также журналиста С.Н. Сыромятникова. Подробнее см.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Указ. соч. С. 70–101.

²⁴ *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский... С. 22, 39–42.

²⁵ *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 1, 9.

²⁶ *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПб., 1904. С. 17.

²⁷ *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский... С. 132. Сходная судьба постигла Сыромятникова. Будучи в 1900 г. одним из инициаторов создания «Русского собрания», он спустя три года был обвинён в том, что подчинился «догмату масонско-еврейского либерализма, запрещающему сколько-нибудь откровенно говорить об инородцах», и выведен из руководства этой влиятельной консервативной организации (*Репников А.В.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 99).

Между тем именно сходство исторического пути и духовное братство должны были, по мнению «восточников», объединить народы России и Азии в борьбе с разрушительным для них натиском Запада. «Азия страдает, — писал кн. Ухтомский, — поняв, что между ней и Европой — глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творчеством хаосом и ею (этой Азией) нет препоны, ибо её предопределённый покровитель и главарь — пестротканая Россия»²⁸. Защитить азиатские народы от натиска Запада было тем более важно, поскольку в их среде хранились утраченные «цивилизованным миром» начала — религиозность и верность традициям, столь ценимые консерваторами. Описывая быт монголов и бурят, кн. Ухтомский отмечал, что в их жизни «царит... религиозный элемент». Причём «случайного и беспочвенного тут нет ничего. Наоборот, всё дышит стариной, переносит воображение к временам “бога-учителя”»²⁹.

Оберегая традиции прошлого, народы Азии, как заявляли «восточники», проявляли особую преданность самодержавию — власти патриархальной, основанной на отеческих, неформальных началах. «История указывает, — писал Александру III в 1893 г. Бадмаев, записка которого сыграла значительную роль в обосновании продвижения России в Азию, — что народы Востока... вполне сознают истинное значение монархического правления, в котором представители государства считаются старшими сыновьями и братьями, нравственно обязанными отвечать за всё как перед отцом-монархом, так и перед младшими братьями — его подданными»³⁰. Таким образом, в Азии не только ожидали помощи от «Белого царя», но и сохраняли древние (если не древнейшие) монархические предания. Кн. Ухтомскому даже казалось, что в условиях нарастающего колониального давления со стороны западных стран «Китай на страже своих и бессознательно на страже русских интересов со змеиной мудростью отстаивается, копит силы против заморского врага, тоскливо озирается на безмолвный Север — единственное государство, откуда воспитанная в принципах самодержавия страна богдыханов может и привыкла ждать нравственной опоры, бескорыстной помощи, фактического союза на почве взаимных интересов»³¹.

Совместно выступая против Запада, России и Азии предстояло, по замыслу «восточников», слиться в единую цивилизацию, принципиально отличавшуюся от европейской. «Запад нас умственно дисциплинировал, — полагал кн. Ухтомский, — но в общем лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Всё под ней и в недрах народного быта проникнуто и дышит глубоко восточными умозрениями и верованиями, оваяно жаждой высших форм бытия и широкими человеческими стремлениями совершенно иного вида, чем в корне убиваемое материализмом мирозерцание европейцев среднего уровня»³². Но только полное соединение с Востоком обновит Россию, «вольёт в нас свежую, бодрящую струю и, без сомнения, уяснит нам многое в родных святынях»³³. И тогда появится возможность исполнить высокое, мессианское предназначение — изменить мир, освободить его от вредоносного влияния Запада. «Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального

²⁸ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае... С. 77.

²⁹ Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма... С. 41.

³⁰ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / Под ред. В.П. Семенникова. Л., 1925. С. 77.

³¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае... С. 43.

³² Там же. С. 48.

³³ Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма... С. 73.

цухтхауза (каторжной тюрьмы. — *А.П.*), за бедность против богатства..., — провозглашал Сыромятников в 1901 г. в своём программном произведении “Опыты русской мысли”. — Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Отныне мы не будем защищать грудь Европы от Азии, как защищали её от натиска татар. Мы пойдём заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя»³⁴.

Отдалённые общины, по мнению русских публицистов, не только ждали помощи от «империи царей», но соединялись друг с другом некоей таинственной, исторически обусловленной связью. Характерно, что появление в Северной Персии во время Первой мировой войны Забайкальской казачьей бригады заставило публициста и дипломата В.П. Никитина, занимавшего пост консула в Урмии, вспомнить о монгольских завоеваниях XIII в., когда в эти края вторглись всадники хана Хулагу. Дипломат усматривал в подобном повторении исторических событий проявление «таинственных ритмов Евразии». Буряты (родственники монголов) в составе Забайкальской бригады воспринимали, по его наблюдениям, земли вокруг Урмии как родные места, в чём сказывалось присущее обитателям евразийских степей «свойство духа, как бы сжимающего громадные пространства через уподобление»³⁵. Современники могли вспомнить и о связи между двумя регионами в XII в., когда под влиянием миссионеров-несториан часть монгольских племён приняла христианство, породив в Европе легенду о процветающем на Востоке «царстве пресвитера Иоанна»³⁶.

Определённая «перекличка» между порядками, бытовавшими у ассирийцев, тибетцев и монголов, усиливалась тем, что их жизнь строилась на схожих теократических началах. Главой ассирийской общины являлся патриарх-католикос с наследственным именем Мар-Шимун, располагавший фактически неограниченной властью не только в духовных, но и в светских делах. Во главе Северной Монголии, ставшей важнейшей ареной деятельности барона Унгерна, стоял местный буддийский первоиерарх Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII, считавшийся перерождением одного из потомков Чингисхана. В 1911 г., когда страна объявила о своей независимости от Китая, Богдо-гэгэна провозгласили светским правителем Монголии — Богдо-ханом («великим ханом») ³⁷. По мнению Л.А. Юзефовича, барон в ходе его перемещений по территории Евразии вполне мог заметить сходство организации общественно-политической и духовной жизни в двух регионах³⁸. В целом же к 1914 г. общественное созна-

³⁴ Цит. по: *Репников А.В. С.Н. Сыромятников... С. 107.*

³⁵ См.: *Юзефович Л.А. Самодержец пустыни... С. 98–99.* О В.П. Никитине см.: *Сорокина М.Ю. Василий Никитин: свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001.*

³⁶ См.: *Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26(89). Л., 1989. С. 76–85.* Интересно, что Дальний Восток и Персия оказались примечательным образом связаны и в биографии Сыромятникова. Совершив в конце XIX в. по поручению правительства две поездки на Дальний Восток (в 1897 г. — в Китай, Корею и Японию, в 1898 г. — на север Кореи), журналист-разведчик в 1900 г. был командирован на берега Персидского залива для сбора информации, способной «помочь проникновению русских товаров в Южную Персию и Месопотамию». Состоя в 1904–1905 гг. чиновником особых поручений при наместнике на Дальнем Востоке, Сыромятников в эти годы совершил ещё одну поездку в Персию (*Репников А.В. С.Н. Сыромятников... С. 95–97, 100.*)

³⁷ *Кузьмин С.Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. 2016. № 9(57). С. 136–148.*

³⁸ *Юзефович Л.А. Самодержец пустыни... С. 97.*

ние России было насыщено представлениями о предстоящей ей миссии и об особых ценностях народов Востока, которые станут её союзниками. В подобной атмосфере и происходило духовное становление Унгерна, чья деятельность оказалась одной из последних попыток реализации данных идей.

О формировании взглядов будущего военачальника и его жизни до того, как он возглавил Азиатскую дивизию, известно мало. В годы учёбы и в начале своей службы он постоянно держал при себе и читал различные философские сочинения. В семье жила память о его прапрадеде, который путешествовал в Индию и якобы принял там буддизм. Отец будущего «самодержца пустыни», геолог по профессии, участвовал в экспедициях в Турцию и Персию. Родственником Унгерна был философ Г. фон Кейзерлинг, увлекавшийся духовными учениями Востока. Ещё в детстве барон познакомился с эстонцем К. Тыннисоном, ставшим впоследствии известным деятелем европейского буддизма. По одной из версий, их знакомство произошло в доме кн. Ухтомского в Петербурге, который Унгерн мог посещать в 1890-х гг.³⁹ Нельзя забывать, что в то время в российских и европейских интеллектуальных кругах наблюдался всплеск интереса к буддизму, духовным учениям Востока и разного рода теософским течениям⁴⁰.

Поступив на военную службу, Унгерн с самого начала стремился на Дальний Восток. В 1905 г. он пошёл в армию добровольцем, дабы участвовать в войне с Японией (но принимал ли реально участие в боевых действиях, неизвестно). Закончив училище, барон в 1908 г. определился офицером в Забайкальское казачье войско, много путешествовал по Монголии, близко ознакомился с обычаями и культурой монголов, выучил монгольский, бурятский и китайский языки. После того как в Китае в 1911 г. свергли монархию, Унгерн попытался вступить в монгольскую армию и принять участие в военных действиях против китайцев, которые он воспринимал как борьбу монархистов против сторонников республиканских начал. В целом, в силу особенностей своей биографии к концу 1910-х гг. барон был готов к тому, чтобы не только выступить против революции и республиканизма, но и обосновать свою позицию аргументами идеологического и религиозно-мистического характера.

Возглавляя Азиатскую дивизию, выступая против большевиков в Забайкалье, Унгерн в своих документах и высказываниях не раз декларировал монархические убеждения, заявляя, что, «как Земля не может быть без Неба, так и государства не могут быть без царей». Монархию он желал восстановить на идеократической основе и в максимально патриархальной форме. По его мнению, царь «должен стоять вне класса», «должен опираться на аристократию и крестьянство, каждый из этих классов без другого жить не может. Другое дело, буржуазия — она способна только сосать соки из государства». Идеалом для него являлось «соединение божества с человеческой властью, как были богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старое время, русские цари»⁴¹.

Подобно «восточникам», «самодержец пустыни» крайне критически относился к западной цивилизации, особенно после событий Первой мировой войны и русской революции. «Запад дал человеку науку, мудрость и могущество,

³⁹ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна... С. 20–26, 30, 32, 373. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни... С. 78, 86, 396. *Sunderland W.* Op. cit. P. 29, 41, 80.

⁴⁰ *Sunderland W.* Op. cit. P. 106–108.

⁴¹ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна... С. 389, 380. Халха — Северная («Внешняя») Монголия со столицей в Урге.

но он дал в то же время безверие, безнравственность, предательство, отрицание истины и добра», — писал Унгерн вождям казахского народа, которых как потомков кочевников намеревался привлечь к совместной борьбе против большевиков⁴². Главную причину бед, постигших Россию, он видел в том, что «революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд». Унгерн пытался противопоставить этому принципы, на которых основывалась жизнь восточных народов, прежде всего — буддистов. По словам Л.А. Юзефовича, «Монголия представлялась ему гигантским историческим заповедником, где люди сохраняют не только рыцарские добродетели, но и давно утраченные на Западе навыки общения с потусторонним миром»⁴³.

Подобные воззрения довольно точно соответствовали той совокупности идей, которые вырабатывались в среде «восточников» и в ходе взаимодействия России с различными этноконфессиональными группами на Востоке. Однако если идеологи рубежа столетий предполагали, что «империя царей» превратится в защитника и покровителя восточных народов, обновившись от соприкосновения с присущей им патриархальной простотой, то Унгерн, по свидетельству его современника, напротив, ожидал, что «освобождённая Монголия может спасти Россию от коммунистического разрушения»: «в противоположность многим, считавшим, что рука помощи может быть протянута нам с запада, он базировался на восток». Командующий Азиатской дивизией считал, что «большевизм не может развиваться у кочевников», поскольку «у них психология совсем другая, чем у белых (т.е. представителей белой расы. — *А.П.*), у них высоко стоит верность, война, солдат — это почётная вещь, и им нравится сражение». «Я высоко ценю монгольский народ, — говорил барон европейским собеседникам, посещавшим его на Дальнем Востоке, — и на протяжении нескольких лет имел возможность убедиться в честности и преданности этих людей»⁴⁴.

Наблюдая за разворачивавшимися в России событиями, Унгерн всё сильнее убеждался в том, что она утратила право на роль «старшего брата». Ещё в Урмии, участвуя в формировании ассирийских дружин, Унгерн и его будущий соратник по Гражданской войне Г.М. Семёнов надеялись повлиять на стремительно разлагающуюся армию, пристыдив солдат живым примером «инородцев», сражающихся за «русское дело». Впоследствии, в советском плену, барон даже утверждал, что славяне неспособны к государственному строительству, и на смену им придут восточные народы⁴⁵. В повседневной жизни потомок остзейских рыцарей во многом обрёл «восточный» облик — ходил в монгольском одеянии, состоял в браке (правда, недолго) с маньчжурской принцессой, с почтением принял от Богдо-гэгэна после освобождения Урги традиционные монгольские титулы, усердно посещал буддийские монастыри и щедро жертвовал на них деньги, считался с предсказаниями лам, поддерживал контакты с далай-ламой. При чрезвычайно пёстрой по национальному составу Азиатской дивизии находились буддийские монахи, мулла, православный священник.

⁴² Цит. по: *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 393.

⁴³ Там же. С. 404.

⁴⁴ Цит. по: *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 191–192; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 175.

⁴⁵ *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна... С. 71; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни... С. 107, 331.

В ней отмечались различные национальные и религиозные праздники, русские офицеры в обязательном порядке изучали монгольский язык⁴⁶.

Веря, что спасение России и Запада придёт с Востока, Унгерн планировал возродить наследие Чингисхана — евразийскую империю кочевых народов под властью маньчжурской династии. Изгнание из Урги китайских республиканцев и возвращение власти Богдо-гэгэну мыслилось бароном как первый шаг в этом направлении. Считая, что всем «племенам монгольского корня» надо объединиться «в одно могущественное Срединное царство», Унгерн разослал несколько десятков писем — высокопоставленным ламам (включая далай-ламу), маньчжурским и китайским генералам-монархистам, располагавшим реальной властью на севере Китая, малолетнему Пу И, монгольским князьям, казахским ханам Алтая, лидеру партии «Алаш», потомку Чингизидов А.М. Букейханову⁴⁷. Как отмечают Юзефович и Сандерлэнд, план Унгерна представлял собой своего рода «вывернутую наизнанку» советскую интернациональную утопию, основанную на принципах не пролетарской, а монархической и традиционалистской солидарности. «Я рад умереть за восстановление монархии хотя бы не своего государства, а другого», — заявлял барон. Неудивительно, что значительная часть Белого движения и эмиграции отнеслась к планам Унгерна отрицательно, усмотрев в них предательство национальных интересов России — подобно тому, как за 15–20 лет до этого русские консерваторы отвергли построения Ухтомского и Сыромятникова⁴⁸.

Анализируя взгляды «самодержца пустыни», историки не раз подчёркивали их экстравагантный, зачастую фантастический характер. Между тем эти воззрения во многом являлись закономерным результатом развития некоторых направлений русской общественной мысли. Намерение помочь отдалённым угнетённым общинам Востока, хранящим патриархальные добродетели, постепенно дополнялось стремлением найти в их среде источник нравственного обновления России. Грандиозные катаклизмы начала XX в. — Первая мировая война и революция — лишь усилили эту тенденцию, порою придавая ей утрированную форму. Одним из самых ярких её проявлений и стали мечты Унгерна о возрождении евразийской империи кочевников.

⁴⁶ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна... С. 81, 84, 87, 113, 241, 243, 361, 375–379. Всё это не позволяет согласиться со словами У. Сандерлэнда о том, будто бы в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. господствовало презрение и пренебрежение к народам Азии, которые воспринимались как низшая раса (*Sunderland W.* Op. cit. P. 55–57). Сам Сандерлэнд приводит многочисленные примеры межрасовых контактов, включая браки, констатирует чрезвычайно доброжелательное отношение русских востоковедов к азиатским народам и т.д.

⁴⁷ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна... С. 393–395; Юзефович Л.А. Самодержец пустыни... С. 392–393; Кадырбаев А.Ш. Идея панмонголизма от атамана Семёнова и барона Унгерна до её краха // *Mongolica-XI*. Сборник научных статей по монголоведению. СПб., 2013. С. 23–25.

⁴⁸ *Sunderland W.* Op. cit. P. 221; Юзефович Л.А. Самодержец пустыни... С. 358, 384–385.